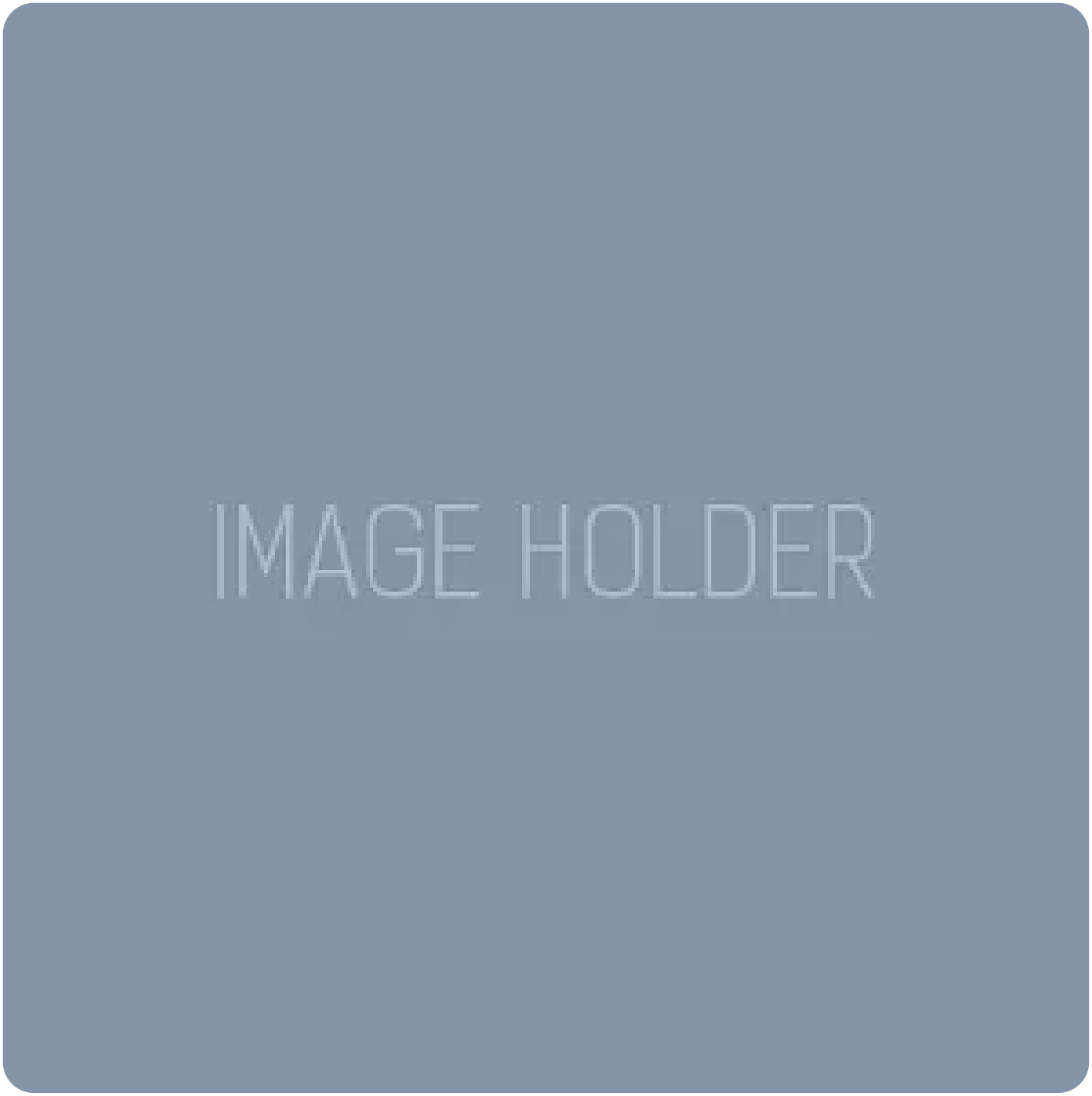

Хроника обыденных вещей

Жанр произведения: Проза

Произведение написал автор BookBox Дмитрий Рыжук

Ссылка на публикацию

Петр Саныч жил на четвертом этаже без лифта, и каждый его поход в какой-нибудь новостной или хлебный киоск превращался в целую муторную экспедицию. Ему было восемьдесят три года, колени скрипели громче любой несмазанной двери, а в почтовом ящике много лет не было ничего, кроме

толстого слоя пыли.

Каждый день ровно в три часа дня он выходил на балкон с чашкой цикория и неизменным маленьким блокнотом. Внизу, во дворе, разворачивалась его личная драма. Там обитала рыжая дворовая кошка, которую Петр Саныч звал Рыжухой, и старый дворник дядя Федя.

Дядя Федя метелкой сгребал опавшую листву или чистил снег, а Рыжуха ходила за ним хвостом, требуя свою законную сосиску. Петр Саныч наблюдал за ними через толстые линзы очков и аккуратно записывал в блокнот: «15:15. Дядя Федя отдал кошке кончик докторской. Рыжуха довольна, но наглеет».

Соседи думали, что дед уж вовсе выжил из ума на старости лет. Но только он мог ценить такой свой тихий порядок.

Однажды в ноябре дядя Федя не вышел во двор. И на следующий день не вышел. И через день. Двор начал зарастать опавшими листьями, а Рыжуха сидела у парадной, тревожно заглядывая в стеклянную дверь.

Петр Саныч впервые за полгода спустился вниз по лестнице. Долго стоял у квартиры дворника, стучал костяшками пальцев по обшарпанной двери, но за ней было глухо. Соседка снизу, тетя Галя, услышав его шаги, приоткрыла дверь и шепнула: «В больницу увезли, Саныч. Инсульт. Говорят, плох он».

Вечером Петр Саныч не пил цикорий. Он сидел за столом, глядя на пустой блокнот. Без этих ежедневных записей о чужой, казалось бы, рутине его собственный день терял всякие границы и превращался в серую киселю массу. Он понял, что все эти годы события двора, пусть даже одни и те же, были его якорем, удерживающим в реальности.

На следующий день старик надел пальто, завязал шерстяной шарф и отправился в городскую больницу на другом конце района. Ехать пришлось на двух автобусах, ноги ныли с каждым шагом, а в груди неприятно кололо. В больничном коридоре слабо пахло бромом, хлоркой, этиловым спиртом и другими медикаментами, а еще — безнадежностью.

Санитарка пускать не хотела, но Петр Саныч достал из кармана пакетик с сушками и банку домашнего малинового варенья — единственное, что нашел в серванте.

Дядя Федя лежал в палате на шесть человек, худой, с бледным лицом и совершенно чужими, тусклыми глазами. Он смотрел в потолок и, казалось, никого не узнавал.

Петр Саныч молча опустился на стул у кровати, достал из кармана свой потертый блокнот, открыл его наугад и громко, четко произнес:

— Четвертое ноября. Семнадцать ноль-пять. Дядя Федя прогуливает смену, из-за чего Рыжуха устроила забастовку у второго подъезда и едва не сожрала чужой пакет с мусором. Требую срочно вернуться к исполнению обязанностей, потому что порядок в этом дворе держать больше некому.

В палате стало тихо. Больные на соседних койках повернули головы.

Дядя Федя медленно скосил глаза на старика. Уголки его бледных губ чуть-чуть дрогнули, а в тусклых глазах вдруг мелькнула знакомая искра упрямого раздражения.

— Ты... чего приперся, старый? — хрипло выдохнул он, с трудом поворачивая голову на подушке. — Какая еще Рыжуха? Ей небось опять кости соленые дают, подохнет ведь без меня...

Петр Саныч облегченно выдохнул и захлопнул блокнот.

— Вот и я говорю. Завтра чтоб был на ногах. Листья сами себя не уберут.

Через две недели дядя Федя вернулся во двор. Он похрамывал и опирался на тросточку, но метелку держал уверенно. А на балконе четвертого этажа старый Петр Саныч снова выставил чашку с цикорием, открыл блокнот и вывел аккуратным почерком: «15:00. Возвращение блудного дворника. Рыжуха получила внеплановую сосиску. Жизнь продолжается».